

Далимова Наргиса Зарифжонова

аспирант кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики,
БГПУ им. М.Акмуллы, Институт филологического образования
и межкультурных коммуникаций

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКИХ «СТРАШИЛОК» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация: В статье автор рассматривает специфические языковые средства, используемые в детских «страшных» рассказах в двух сопоставляемых лингвокультурах. Исследуются семантические поля, активные в детских страшилках (смерть, монстры, сверхъестественные явления, опасность), и их вариативность в английском и русском языках. Обращается внимание на различия в традиционных образах и мотивах, используемых в фольклорных традициях каждой культуры.

Ключевые слова: детский фольклор, страх, лексические особенности, лингвокультура, слова-паразиты.

Детские страшные рассказы или страшилки – не просто развлечение, а важная составляющая детского фольклора, передающаяся из уст в уста на протяжении поколений. Эти короткие, зачастую пугающие истории, являются своеобразным ключом к пониманию детского восприятия мира и его проблем. Их роль выходит далеко за рамки простого развлечения; они помогают детям справляться с тревогой и страхом, обучаясь оценивать риски и выстраивать социальные отношения. В процессе слушания и пересказа страшилок дети осваивают социальные нормы, учатся различать добро и зло, и даже практикуются в риторике и умении захватывающе рассказывать.

Лексика детских страшилок – это отдельный слой языка, отличающийся своей спецификой. Она часто насыщена архаизмами, диалектизмами и жаргонизмами, переходящими из одного поколения в другое. Например, в русском детском фольклоре широко используются слова с усилительными приставками («черно-черный», «тёмном-претёмном» «глубоко-глубокий»), создающие эффект нагнетания ужаса. Часто встречаются эпитеты, рисующие живые и яркие, но пугающие образы: «костлявая рука», «красные зубы», «зубы-клыки». Именно эту эмоциональную насыщенность лексики и делает страшилки такими запоминающимися.

Интересно отметить, что в разных культурах и географических районах лексика детских страшилок может значительно отличаться. Так, в американском фольклоре встречаются образы страшных клоунов и злых призраков, в то время как в восточной традиции больше распространены легенды о духах и мифических существах. Однако, независимо от культурных особенностей, общей остается функция страшилок: помогать детям справляться со своими страхами через безопасное игровое пространство.

Кроме того, анализируя лексику, можно проследить эволюцию детского восприятия мира и изменения социальных норм. Например, старые «страшилки» часто отражают традиционные страхи сельской жизни, а современные – проблемы городской среды и технологий. Это делает изучение детского фольклора не только занимательным, но и научно значимым.

«Страшилки» – это уникальное зеркало детского сознания, отражающее его фантазии, страхи и понимание мира. Изучение их лексики позволяет глубоко понять психологию развития ребенка и его взаимодействие с окружающей средой. Выдающиеся лингвисты, такие как И.В. Арнольд, Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, Ю.Н. Караулов, Л.А. Новикова, Э.В. Кузнецова и другие, разработали теории, которые помогают осознать сложность и многогранность лексической системы. Их работы подчеркивают, что лексика – это не статичная единица, а динамичная структура, которая постоянно изменяется под влиянием времени, общества и технологий.

Особый интерес представляет лексика, используемая детьми, особенно в контексте фольклорных «страшных» рассказов. Ф. С. Капица и Т. М. Колядич отмечают, что в таких рассказах дети создают собственный язык общения, который часто оказывается довольно однородным и простым. Это может быть связано с тем, что дети, рассказывая свои «страшилки», не всегда стремятся вводить новые слова или сложные конструкции. Вместо этого они используют простые фразы и часто прибегают к словам-паразитам, таким как «ну», «значит», «короче», «так вот». Эти маркеры помогают им структурировать повествование и делают его более доступным для восприятия. Кроме того, в языке «страшных» историй можно наблюдать использование просторечных и диалектных выражений, что может указывать на региональную принадлежность детей. Например, слова и фразы вроде «ничё», «чё-то сказал» свидетельствуют о том, как дети адаптируют язык к своему окружению и культурному контексту [1, с. 199]. Аналогичные явления наблюдаются и в других языковых культурах. В английском языке, например, частое употребление слов-заполнителей такие, как «like...», («как бы...») «in short» (короче), «you know» (знаешь), «sort of» (типа того) выполняет ту же функцию, что и слова-паразиты в русском языке. Эти элементы помогают детям (и взрослым) структурировать свои мысли, заполнять паузы и поддерживать беглую речь.

В качестве примера приведем фрагменты из детских «страшных» рассказов из русского и английского детского фольклора.

Пьяница и чёрт

«...Утром встал пьяница и пошел на базар. Заложил там чертову одежду, купил вина и стал пьянствовать. К вечеру осталось у него денег всего на одну бутылку. Купил и пошел на вокзал. Там подсели к нему два бича (бывших интеллигентных человека) *. Выпили. Разговорились. Мужики, знаете ли, на какие деньги вино пьем? На какие? Чертову одежду пропиваем. Допили они бутылку и завалились спать на лавках. Утром эти двое встали. Стали будить пьяницу. Толкают, толкают, а он не встает. Перевернули и видят: в горле торчит палец черта.» [2, с. 30].

On Halloween Night, by Kara Tromble, age 12

«...I looked at my surroundings, my mouth gaping in awe, as if I were under some sort of spell. I stood in a dark corner of a large cavernous room. Doors with vicious gargoyles guarding the entrance stood at nearly every edge of the gigantic ballroom. My eyes fixed on one door that seemed suspicious. I shook my head trying to clear my vision, not believing what I was seeing...» [5, с. 60].

В ночь на Хэллоуин, автор: Кара Тромбл, 12 лет

«...Я оглянулась по сторонам, остолбенев от удивления, типа была заколдована. Я стояла в темном углу большой комнаты, похожей на пещеру. Двери со злыми горгульями, охранявшими вход, располагались почти по всем углам гигантского бального зала. Мой взгляд остановился на одной двери, которая показалась мне подозрительной. Я потрясла головой, пытаюсь прояснить зрение, не веря своим глазам...» (перевод автора)

Эти элементы служат своеобразными маркерами, которые помогают структурировать повествование и делают его более эмоционально насыщенным. Дети интуитивно используют такие слова, чтобы создать атмосферу ожидания и напряжения, что особенно важно в контексте «страшных» рассказов.

Некоторые исследователи отмечают, что такой язык не является полностью новым, а скорее представляет собой упрощенную и немного искаженную копию «взрослого» языка. Это говорит о том, что дети, создавая свои «страшные» истории, в значительной степени опираются на уже существующий лексикон и грамматику, что делает их рассказы более доступными для понимания [1]. Таким образом, язык «страшных» рассказов становится не только средством передачи информации, но и отражением процесса социализации детей, их взаимодействия с окружающим миром и взрослыми, а также их попыткой освоить и адаптировать язык в соответствии с собственными потребностями и интересами.

Лексические особенности детских «страшилок» на английском и русском языках демонстрируют интересное пересечение культурных представлений о страхе. Центральное место, безусловно, занимают слова, относящиеся к тематической группе «Страх, ужас,

кошмар». Английские «*fear*», «*horror*», «*nightmare*» находят свои точные эквиваленты в русском языке – «*страх*», «*ужас*», «*кошмар*», но даже здесь можно обнаружить тонкие различия. Например, «*horror*» часто подразумевает более физиологический ужас, связанный с кровавыми подробностями, в то время как «*ужас*» в русском может охватывать более широкий спектр – от физического страха до глубокого морального потрясения.

Особый интерес представляют существительные, обозначающие персонажей и существ, населяющих мир детских «страшилок». В обоих языках мы наблюдаем широкий спектр мифологических и потусторонних созданий, воплощающих архетипический страх. «*Монстр*», «*призрак*», «*чудовище*», «*скелет*» (русский) и «*monster*», «*ghost*», «*skeleton*» (английский) вызывают мгновенное чувство тревоги и неизвестности. Эти слова, будучи достаточно общими, оставляют место для воображения, позволяя каждому ребёнку формировать свой собственный образ угрозы. Важно отметить, что «чудовище», в отличие от «монстра», часто предполагает более конкретный, физически отталкивающий облик, в то время как «монстр» может быть более абстрактным и устрашающим за счет своей неопределенности. К этой группе относятся и более конкретные персонажи, такие как «*дьявол*», «*самана*», «*ведьма*» (русский) и «*devil*», «*Satan*», «*witch*» (английский). Эти фигуры, укорененные в религиозных и фольклорных традициях, вызывают страх не только благодаря своей сверхъестественной силе, но и из-за связанных с ними моральных и этических аспектов. «Ведьма», например, в русском фольклоре часто представляется как фигура двусмысленная, способная как на добро, так и на зло, что добавляет сложности восприятию и усиливает чувство непредсказуемости. В английском языке образ ведьмы более однозначен, часто ассоциируясь исключительно со злом. «Вампир» и «зомби», популярные персонажи современных детских страшилок, находят свои аналоги в обоих языках. Эти существа представляют собой угрозу не только физическую, но и символическую, отражая страхи перед болезнью, смертью и расчленением личности. Интересно, что образ зомби, получивший широкое распространение благодаря культуре масс-медиа, претерпел заметные изменения, отражая эволюцию самих страхов современного общества. Важной особенностью современных детских страшилок является появление новых персонажей, таких как *Slender Man* в англоязычной культуре. Этот образ, распространившийся благодаря интернет-мемам и видеоиграм, показывает, как новые технологии влияют на формирование образов страха. Его бестелесная фигура, способность манипулировать реальностью и вызывать психологический ужас делает его особенно эффективным инструментом для создания атмосферы ужаса.

Другую группу составляют слова, обозначающие явления природы или предметы, ассоциирующиеся со смертью, разрушением или чем-то зловещим. Это могут быть «*гроза*», «*молния*», «*тьма*» (русский) и «*thunderstorm*», «*lightning*», «*darkness*» (английский). К ним примыкают слова, обозначающие звуки, вызывающие ощущение тревоги и напряжения: «*визг*», «*крик*», «*вой*», «*шепот*», «*скрип*», «*стук*» (русский) и их английские аналоги – «*screech*», «*scream*», «*howl*», «*whisper*», «*creak*», «*knock*». Эти звуки, часто используемые в детских страшилках для создания атмосферы ужаса, работают на уровне подсознания, вызывая чувство напряженности и ожидания чего-то плохого. Холод (*cold*) также часто используется как символ смерти и безжизненности, создавая ощущение дискомфорта и угрозы. Слова «*могила*», «*кладбище*» (русский) и «*grave*», «*cemetery*» (английский) напрямую связаны со смертью и загробным миром, вызывая страх перед неизбежным концом и неизвестностью.

Также глаголы, являющиеся основой динамики повествования, играют в жанре ужасов роль первостепенной важности. Они – двигатель сюжета, архитекторы атмосферы нарастающего напряжения, предвкушения ужаса и последующего, пусть и небольшого, катарсиса. В детских страшилках глаголы не просто описывают действия, они формируют эмоциональный фон, воздействуя на воображение юного слушателя или читателя на подсознательном уровне. В русском языке богатство глагольной лексики позволяет автору тонко манипулировать восприятием. Глаголы, создающие ощущение непосредственной угрозы «*пугать*», «*страшить*», «*преследовать*», «*нападать*», «*захватывать*», отличаются от

тех, что формируют атмосферу скрытой опасности и саспенса «красться», «шептать», «стучать», «скрипеть», «мигать», «ковылять», «притаиться». Разница не только в семантике, но и в звучании. Звукопись играет важную роль: шипящие и свистящие звуки в глаголах типа «шипеть», «шёпот», «свистеть» усиливают ощущение тревоги, а резкие, отрывистые звуки глаголов, описывающих внезапные действия «бахнуть», «хрястнуть», «грохнуть», вызывают неожиданный испуг. Внезапность ужаса подчеркивается глаголами действия, имеющими сильную эмоциональную окраску «налететь», «выскочить», «материализоваться», «возникнуть», а физические проявления страха – глаголами, отображающими интенсивность реакции «вопить», «реветь», «рыдать», «дрожать», «трястись», «бледнеть». Глаголы, обозначающие исчезновение или смерть «исчезать», «растворяться», «умирать», «погибать», «сгинуть», вводят элементы мистики, сюрреализма и неизбежности, часто оставляя место для неоднозначной интерпретации и последующего обсуждения.

Например: *Отец*

Однажды семья сидела за столом и ела, а у девочки упала вилка. Она нагнулась и увидела, что у её отца вместо ноги копыто. На следующий день она умерла [с. 31].

Английский язык, в свою очередь, предлагает аналогичный набор лексических средств, но с некоторыми нюансами. Прямые эквиваленты типа «*scare*», «*frighten*», «*chase*», функционально схожи с русскими аналогами. Однако английский язык богат глаголами, описывающими более тонкие оттенки страха и тревоги: «*lurk*» (скрываться, подстергать), «*haunt*» (преследовать, являться в виде призрака), «*creep*» (ползти, красться, часто подразумевая нечто злое), «*prowl*» (бродить, рыскать в поисках жертвы). Эти глаголы добавляют в повествование дополнительный уровень психологического напряжения. Описание физических проявлений страха также имеет свои особенности: английский язык, возможно, больше использует глаголы, описывающие бледность лица «*pale*», «*blanch*», быстрое сердцебиение «*thump*», «*round*», или неконтролируемое движение «*twitch*», «*convulse*».

Например: *Strange noise*

«...His room was next to the one where the cattleman had been murdered. For several nights, at around nine o'clock, he would hear a noise. It sounded like someone dropping a bag of feed: <...> As soon as he went into the hall, the noise stopped and he didn't see anything. <...> All the people who lived close by said the place was haunted...» [с. 98-99].

Странный шум

«...Его комната была рядом с той, где был убит скотовод. В течение нескольких ночей, около девяти часов, он слышал шум. Было похоже, что кто-то ронял пакет с кормом: <...> Как только он вышел в коридор, шум прекратился, и он ничего не увидел. <...> Все люди, которые жили поблизости, говорили, что в этом месте водились привидения...»

(перевод автора)

В то время как русские детские страшилки часто акцентируют вокальные проявления страха (крик, плач), английские могут фокусироваться на физических проявлениях, таких как дрожь или произвольные движения. Сравнение глагольной лексики в детских «страшилках» обоих языков показывает, что несмотря на различия в культурном контексте, основные стратегии построения сюжета и создания атмосферы ужаса остаются сходными. Однако тонкие оттенки передаваемого страха, акцент на конкретных его проявлениях, а также использование звукописи отражают культурные особенности и лингвистические традиции каждого языка.

Важно отметить, что сочетание специфических лексем позволяет создать не просто «страшную» историю, а настоящий шедевр жанра, способный вызвать у читателя незабываемые эмоции и долгое послевкусие.

Таким образом, лексика детских страшных рассказов представляет собой интересный феномен, который сочетает в себе элементы простоты и глубины, что позволяет детям не только передавать свои страхи и переживания, но и формировать свою идентичность в рамках группы, используя язык как инструмент для общения и самовыражения.

Список литературы:

1. Капица Ф.С. Русский детский фольклор: Учебное пособие для студентов вузов / Ф.С. Капица, Т.М. Колядич. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 320 с.
2. Успенский Э. Н., Усачев А. А. Жуткий детский фольклор. Издательский дом «РОСМЭН». 1998. – 83 с.
3. Успенский, Э. Н., Усачёв, А. А. Самые страшные ужасы. Жуткие истории. М.: – 2001. – 93 с.
4. Ruth Ann Musick. The telltale lilac bush and other West Virginia ghost tales// THE UNIVERSITY PRESS OF KENTUCKY Paperback edition 1976. – 189 p.
5. Short, short spooky stories contest/ a contest for amateur writers of all ages/ Poudre River Public Library October 2013. -174 p.

